

MEDIEVAL HISTORY OF CENTRAL EURASIA

№4 (4) 2023

MEDIEVAL HISTORY OF CENTRAL EURASIA

Has been published since 2020

No. 4 (4) 2023

Astana 2023

EDITOR-IN-CHIEF:

PhD, Assistant Professor
Kariyev E.M.

EDITORIAL BOARD:

Qydyráli Darhan	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Muminov A.K.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Samashev Z. S.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Abuseitova M. K.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Sabitov Zh. M.	PhD in Political Science (Kazakhstan)
Golden Peter B.	Dr., Professor (USA)
Kradin N.N.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)
Erdélyi István	Doctor of Historical Sciences, Professor (Hungary)
Uzelac	PhD in History (Serbia)
Aleksandar	
Mirgaleev I. M.	Candidate of Historical Sciences (Russia)
Zaytsev I. V.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)
Petrov P.N.	Candidate of Historical Sciences (Russia)
Nagamine	PhD in History (Japan)
Hiroyuki	

Editorial address: 8, Kabanbay Batyr avenue, of.316, Nur-Sultan, Kazakhstan, 010000
Tel.: (7172) 24-18-52 (ext. 316)
E-mail: medieval-history@isca.kz

Medieval History of Central Eurasia
Owner: Astana International University
Periodicity: quarterly
Circulation: 500 copies

CONTENT

С.С. Иванов ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ПЕРИФЕРИИ САКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИТЯНЬШАНЯ В IV-III ВВ. ДО Н.Э.	5
Н.Н. Әбдінасыр МАЖАР ҒАЛЫМДАРЫНЫҢ ОРТА АЗИЯ МЕН ҚАЗАҚСТАН ХАЛЫҚТАРЫНЫҢ ТАРИХЫ МЕН МӘДЕНИЕТІ ТУРАЛЫ ЗЕРТТЕУІ	17
Р.Д.Темиргалиев ДЖУЧИ-ХАН – ПРАВИТЕЛЬ ДЕШТ-И КИПЧАКА	23
Ж.Е.Күзембаев ОРТАҒАСЫРЛАРДАҒЫ ӘДЕБИ ЖАЗБА МҰРАЛАР	42

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ПЕРИФЕРИИ САКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИТЯНЬШАНЯ В IV-III ВВ. ДО Н.Э.

С.С. Иванов

канд. ист. наук / доцент Киргизского национального университета
им. Ж. Баласагына,
720033, Кыргызстан, г. Бишкек, ул. Фрунзе, 547, sak@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам этнокультурных контактов сакской культуры Притяньшанья на северо-восточной периферии территории ее распространения. В первой половине IV в. до н.э. начинается экспансия пазырыкского политического объединения на юг – в Восточный Казахстан, северный Синьцзян и Монгольский Алтай. Это приводит к военному столкновению с саками Притяньшанья, которые утрачивают влияние на племена среднего течения Иртыша и связи с родственной каменной культурой Лесостепного Алтая. Миграция пазырыкцев приводит к формированию гибридной кулажургинской культуры Восточного Казахстана, носители которой продвигаются в северо-восточные районы политического объединения саков Притяньшанья, как собственно и сами племена пазырыкского культурного круга. Военное противостояние с ними, как и военные конфликты с эллинистическими государствами на юго-западе, ослабляют данное объединение. Итогом становится его разгром в результате миграции юэчжей около 165 г. до н.э., что приводит к выдавливанию значительной части сакских племен Притяньшанья в южные районы Средней Азии.

Ключевые слова: ранний железный век, сакский период, сакская культура Притяньшанья, миграции, этнические и культурные контакты.

ВВЕДЕНИЕ

В VI – первой половине II вв. до н.э. обширные горные и предгорные районы Западного, Внутреннего и отчасти Восточного Тянь-Шаня были заняты самобытной археологической культурой «скифского» типа, которую было предложено называть сакской культурой Притяньшанья [Иванов, 2019а]. Выделяясь в системе оседло-земледельческих и скотоводческих культур Средней Азии и Казахстана, она имела вполне четкие границы, которые хорошо определяются на юге и западе ее ареала соседством с инокультурными памятниками Средней Сырдарьи (включая Ташкенский оазис), Ферганы, Алая и юго-западного Синьцзяна. Некоторым исключением в этом отношении выступают северо-восточные рубежи данной сакской культуры, которые в настоящее время выделяются во многом условно.

Отчасти определяясь озером Балхаш, они достигали Алакольской впадины и южных предгорий Тарбагатайского хребта, поскольку в этих

районах отмечены погребальные памятники, которые в культурном плане существенно не отличались от распространенных в долине реки Или [Кушаев, 1959]. Последние выделяются в семиреченский локальный вариант в составе сакской культуры Притяньшанья [Иванов, 2019б. С. 73-74, рис. 1]. Но на аморфность ее границ на северо-востоке ареала также оказывает воздействие тот фактор, что на протяжении практически всего I тыс. до н.э. Восточный Казахстан был теснейшим образом связан этнокультурно с Притяньшаньем. Поэтому в районе среднего течения Иртыша и оз. Зайсан был выделен особый буконьский тип памятников конца VI-IV вв. до н.э. [Черников, 1975. С. 132-134; Боковенко, Заднепровский, 1992. С. 141-143], который по основным показателям погребально-поминальной обрядности достаточно близок к некрополям саков Притяньшанья.

ОБСУЖДЕНИЕ

Столь значительной конвергентности культур населения Притяньшанья и Восточного Казахстана в I тыс. до н.э. способствовало и то, что именно с территории первого региона на рубеже VIII и VII вв. до н.э. происходит мощная миграционная волна в на юг – в горные и предгорные районы Тянь-Шаня [Китов, Тур, Иванов, 2019. С. 155]. Это сыграло ключевую роль в формировании собственно сакской культуры Притяньшанья. По-видимому, не меньшее влияние оказала также обратная миграция через Восточный Казахстан во второй половине VI в. на территорию Лесостепного Алтая (Обь-Иртышское междуречье), которая имела решающее значение в формировании там каменной культуры [Могильников, 1997. С. 1903-104]. А в течение последующих V – начала IV вв. до н.э. именно район среднего течения Иртыша был своеобразным «перешейком», через который протекали интенсивные культурные контакты между Притяньшаньем и культурами Лесостепного Алтая, которое сопровождалось также, по-видимому, передвижением групп сакского происхождения в северо-восточном направлении. Ярким свидетельством последнего можно считать ряд захоронений на могильнике каменной культуры Локоть-4а, расположенном в южной части ее ареала [Шульга, 2003. С. 113-114, 120].

Впрочем, в первой половине IV в. до н.э. эти связи начинают периодически прерываться военной и миграционной активностью кочевого населения соседних регионов. В первую очередь это было связано с активизацией носителей пазырыкской культуры, которые начинают продвижение из центральных районов Горного Алтая на юго-запад – в пределы современной казахской части Алтая, ярким отражением этого

становится создание элитарного некрополя Берель [Самашев, 2011. С. 193-199; 2017. С. 145-149; Шульга, Мыглан, Слюсаренко, 2016. С. 277, 280-281, 283-285]. Одновременно пазырыкцы осуществляют масштабную экспансию на Монгольский Алтай [Törbat, Giscard, Batsükh, 2009. P. 221-229; Батсух, Эрдэнэ-Очир, 2017. С. 142-143, 154] и в северную часть Синьцзяна, вплоть до района г. Хами [Шульга П.И., Шульга Д.П., 2017; Му, 2020]. Причем, в последнем наряду с чисто пазырыкскими погребальными комплексами вскоре также появляются синкретические курганные захоронения, в которых прослеживаются пазырыкские и местные черты [Шульга, 2010. С. 82-93].

По-видимому, военная активность пазырыкцев также приводит к перемещению крупной этнокультурной группы населения из района Саяно-Алтая в Центральный Казахстан, что маркируется памятниками коргантасского типа. Данная миграция приводит к военному разгрому носителей тасмолинской культуры и их отходу из восточных районов центральноказахстанских степей (Сары-Арки) [Бейсенов, 1996; Шульга, 2015]. При этом миграция коргантасцев, по-видимому, могла пройти по южным предгорьям Алтая, затронув северную часть Восточного Казахстана. Но, все сомнения, она наряду с продвижением пазырыкцев на юг приводит к заметным изменениям этнокультурного фона в районах к северу от территории, занимаемой сакской культурой Притяньшанья, что приводит к частичному нарушению традиционных этнокультурных связей с каменной культурой Лесостепного Алтая.

Впрочем, экспансия носителей пазырыкской культуры подобно тому, как это произошло в северном Синьцзяне, приводит к появлению в Восточном Казахстане гибридной кула-жургинской археологической культуры. В ее погребальной обрядности синкретически переплетаются черты погребальной обрядности собственно пазырыкской (сопроводительные захоронения лошадей и пр.) и кара-кобинской (каменные ящики, восточная ориентация погребенных, скорченное положение и пр.) культур Горного Алтая¹ и местного населения (грунтовые могилы, западная ориентация погребенных и пр.). А в некоторых захоронениях также прослеживаются элементы характерные для погребальной обрядности саков Притяньшанья – в частности, каменные кольца по периметру курганных насыпей и др. [Черников, 1951. С. 64-80; 1959. С. 103-104; 1975. С. 135-136; Самашев, 1987. С. 95-114; Боковенко,

¹ Принимая во внимание данное сходство, П.И. Шульга высказал даже мнение, что «кулажургинские захоронения в каменных ящиках можно считать вариантом погребений каракобинского типа пазырыкской культуры» [Шульга, 2003. С. 117].

Заднепровский, 1992. С. 144-145]. Это, вероятно, показывает, различные этнокультурные компоненты в составе кула-жургинской культуры так и не успели полностью слиться в единое монолитное целое, сохраняя многие черты исходных компонентов. Причина этого, по нашему мнению, могла крыться в относительно недолгом ее существовании, вопреки устоявшимся представлениям о том, что она может датироваться III в. до н.э. – I в. н.э.

Вызывает интерес также то, что в различных могильниках кула-жургинской культуры сочетание указанных поликультурных элементов различно. Эту особенность попытался объяснить еще первооткрыватель данной культуры С.С. Черников, который погребения в каменных ящиках, часто сопровождающиеся захоронениями коней, относил к ранней группе (III в. до н.э.), а погребения в грунтовых ямах без подхоронений лошадей – к более поздней (II в. до н.э. – I в. н.э.) [Черников, 1975. С. 135-136]. Впрочем, детальное знакомство с сопроводительным инвентарем из обеих групп захоронений показывает, что в целом они синхронны и существенных временных различий между ними не было. А общая хронология основных его категорий: предметов вооружения (кинжалы, костяные наконечники стрел), предметы быта (пластинчатые ножи, оселки), конское снаряжение (удила, костяные пряжки и пр.), украшения (серьги, шпильки), зеркала находят полные аналогии в синхронных культурах IV-II вв. до н.э. Впрочем, маловероятно, что кула-жургинская культура существовала ранее конца IV в. до н.э. и позже середины – второй половины II в. до н.э., т.е. не более 150-200 лет.

Сложение данной культуры, несомненно, произошло в результате военной экспансии носителей пазырыкской культуры в Восточном Казахстане, и, по-видимому, она оставалась под их контролем на протяжении практически всего периода своего существования. Последнее могло привести к росту напряженности между пазырыкцами и саками Притяньшанья, которые, как отмечалось выше, через Восточный Казахстан поддерживали тесные связи с населением каменной культуры Лесостепного Алтая.

Хотя прямых свидетельств данного противоборства между двумя крупными политическими объединениями кочевников не имеется в нашем распоряжении, все же косвенные сведения ее подтверждают. К ним можно отнести свидетельства частичной экспансии пазырыкцев собственно на территорию сакской культуры Притяньшанья. В частности, в верхнем течении р. Или в Синьцзяне был изучен могильник Суншугоукоу, который обладает характерными пазырыкскими чертами [Му, 2020. С. 143]. Это показывает, что

пазырыкцы в ходе своей экспансии в южном направлении достигают самой восточной периферии ареала распространения данной культуры. Не меньший интерес в этом отношении вызывает также недавнее открытие в северо-восточном Семиречье крупного могильника Таусамалы.

На этом могильнике были исследованы несколько курганов. В одном из них были выявлены два погребения в каменных ящиках, сопровождавшиеся захоронениями трех коней. Погребенные были уложены в слегка в скорченном положении, головами на северо-восток. Инвентарь, который был найден в этих захоронениях, представлен керамическими сосудами, шпилькой с шаровидной головкой, украшениями из золотой фольги и железными стержнями. Кроме того, во рту одной из лошадей имелись железные кольчатые удила. В еще двух курганах были также открыты погребения в каменных ящиках, но без захоронений коней. В них погребенные были уложены вытянуто на спине, головами на запад. В состав сопроводительного инвентаря, выявленного в одном из них, входили бронзовое зеркало, серьги, шпилька, бусы и костяная пластинка. Все исследованные курганы могильника Таусамалы были отнесены их исследователями к пазырыкской культуре и предварительно датированы в рамках III-II вв. до н.э. [Ярыгин, Ильдеряков, 2021. С. 24-36].

Впрочем, нельзя не отметить, что с классическими пазырыкскими памятниками Горного Алтая материалы Таусамалы имеют лишь относительное сходство и вряд ли их можно отнести к собственно их кругу. По основным параметрам погребальной обрядности курганные захоронения этого могильника обнаруживают значительное сходство с погребениями кулажургинской культуры Восточного Казахстана. В них также прослеживается сочетание элементов погребальной обрядности нескольких культур, как и в некрополе Таусамалы, что дает основание отнести его к раннему этапу существования кулажургинской культуры. Не противоречит этому и состав сопроводительного инвентаря из него. Поэтому наиболее вероятной датой для исследованных погребений данного могильника является конец IV-III вв. до н.э.

Но гораздо больше вызывает вопросов, как носители данной культуры оказались на северо-восточной окраине сакской культуры Притяньшанья. Обстоятельство того, что могильник Таусамалы достаточно крупный, свидетельствует о том, что мы имеем дело не с эпизодическими захоронениями этого типа в Семиречье, а, вероятнее всего, с родовым некрополем группы населения, связанной своим происхождением с гибридной

кула-жургинской культурой Восточного Казахстана. А сам некрополь, имеющий вполне внушительные размеры – порядка 90 погребальных объектов, вне сомнения, существовал достаточно длительное время. Это наряду с появлением на восточной периферии сакской культуры Притяньшанья некрополя Суншугоукоу с типичными пазырыкскими чертами указывает на то, что в северо-восточной части ее ареала наблюдается экспансия как самих носителей пазырыкской культуры, так и, по-видимому, находившихся под их политическим контролем племен кула-жургинской культуры.

Вряд ли подобные процессы проходили без крупных военных столкновений между саками Притяньшанья и номадами пазырыкского политического объединения, которое к рубежу IV и III вв. до н.э. объединяло обширные пространства Горного Алтая, Западной Монголии, северный Сынцзян и Восточный Казахстан, а также, возможно, Тувы и Ордоса [Ковалев, 1999. С. 81]. Поэтому появление инокультурных погребальных памятников на северо-востоке территории сакской культуры могло произойти в результате военных вторжений и миграции нового населения, стремившегося таким образом закрепить за собой эти пограничные районы.

Все эти свидетельства открывают перед нами ранее неизвестные страницы истории саков Притяньшанья, не получившие отражения в письменных источниках, и поэтому воссоздающиеся исключительно по косвенным фактам. Вероятно, они также оказали заметное воздействие на постепенный политический упадок политического объединения саков Притяньшанья в III – первой половине II вв. до н.э., закончившийся его политическим полным разгромом новой волной кочевников – юэчжей – около 165 г. до н.э. [Заднепровский, 1971. С. 29-30; 2007. С. 78-79]. Что приводит к выдавливанию значительной части сакского населения в южные районы Средней Азии.

Но дело в том, что на территории распространения самой сакской культуры следов внутреннего кризиса как будто не отмечается – наоборот происходит рост населения. Это выразилось в заметном увеличении могильников на протяжении V – начала II вв. до н.э., в которых курганные цепочки насчитывают до десяти и более насыпей, показывающее, что на протяжении большей части этого периода происходит стабильное развитие кланово-племенных групп без существенных изменений в социальном и экономическом развитии. Локальные группы населения оставались на одних и тех же территориях столетиями, что отмечается также на уровне

антропологии, фиксирующей консервацию физических особенностей сакских популяций в привязке к крупным долинам Притяньшанья [Китов, Тур, Иванов, 2019. С. 110-123]. Отсутствие следов крупных военно-политических конфликтов внутри самого политического объединения саков этого региона² указывает на их протекание в IV – начале II вв. до н.э. преимущественно на его периферии. Но если о них на юго-западных границах мы достаточно хорошо знаем – это столкновение с войсками Александра Македонского в период его завоевания Средней Азии, походы Селевкидов в пограничные районы политического объединения саков Притяньшанья, а также возможное участие в политических потрясениях в регионе во время становления Греко-Бактрии [Иванов, 2012; 2013; 2014], то о событиях, протекавших на его северной и восточной периферии, мы не имеем практически никаких сведений. Но именно длительные военные конфликты на рубежах сакского политического объединения Притяньшанья могли сыграть существенную роль в его ослаблении, что позднее стало причиной его падения под ударом пришедших с востока племен юэчжей.

Под их нажимом значительная часть сакского населения была вынуждена покинуть насиженные земли и устремляется на юг Средней Азии, где принимает активное участие в так называемом «кочевом штурме» греко-бактрийского царства [Литвинский, 1972. С. 187-189; Бернар, Абдуллаев, 1997. С. 73]. Но это уже совершенно иная страница в истории саков, никак теперь не связанная с территорией Притяньшанья.

Заключение. Таким образом, начиная с середины IV в. на северо-восточной периферии культуры саков Притяньшанья под влиянием мощной военной экспансии носителей пазырыкской культуры в южном направлении – в Восточный Казахстан, северный Сынцзын и Монгольский Алтай, существенно меняется этнокультурный фон. Прежде находившиеся под контролем притяньшанских саков родственные племена буконьского культурного типа попадают в зону влияния пазырыкцев, и на юг территорию происходит переселение носителей кара-кобинской и в меньшей мере пазырыкской культур Горного Алтая, что приводит к формированию синкретической кула-жургинской культуры.

Эти процессы, по-видимому, сопровождались военным столкновением пазырыкцев и саков Притяньшанья, которое приводит к некоторому

² При исследовании 247 черепов сакского периода, основная часть которых относится к V – первой половине II вв. до н.э., только на одном из них были отмечены достоверные следы боевых травм [Китов, Тур, Иванов, 2019].

сокращению ареала культуры последних на северо-востоке и появлению пазырыкских и кула-жургинских могильников непосредственно на утерянных территориях в северо-восточном Семиречье и верхнем течении р. Или. Это, вне сомнений, сопровождалось снижением сакского влияния в северо-западной части Синьцзяна и вовлечением этих районов в зону культурного доминирования пазырыкцев.

Экспансия последних в Восточном Казахстане приводит к снижению контактов саков Притяньшанья с близкородственной каменной культурой Лесостепного Алтая, по крайней мере – с рубежа IV и III вв. до н.э. Незадолго до этого происходит последний известный всплеск контактов между ними, который хорошо прослеживается по материалам могильника Локоть-4а, имеющих заметное сходство в материальной культуре с курганом Иссык в Притяньшанье. Вероятно, воздействие на это могло оказать также передвижение из Саяно-Алтая в Центральный Казахстан группы племен коргантасского культурного типа, проходившее, вероятнее всего, по южным предгорьям Алтая на территории Восточного Казахстана. Но, так или иначе, все эти военные и миграционные последствия привели к резкому сокращению этнокультурных связей между населением Притяньшанья и Лесостепного Алтая, начиная с III в. до н.э.

Противостояние притяньшанских саков и пазырыкцев приводит к негативным последствиям для первых не только в плане частичного сокращения территории их расселения, снижению влияния в соседних регионах, но в значительной мере растрчивает его военные ресурсы в длительных войнах, которые протекали не только на северо-восточной периферии их владений. Не менее длительные политические конфликты в течение конца IV – начала II вв. у притяньшанских саков возникают с эллинистическими государствами в Средней Азии. Все это в заметной мере ослабляет их политическое объединение и приводит к тому, что около 165 г. до н.э. оно было разгромлено пришедшими с востока юэчжами и навсегда сходит с исторической арены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Батсүх Д., Эрдэнэ-Очир Н.* Монгол Алтайн пазырыкийн дайчдын зэр зэвсэг // *Studia Archaeologica*. Tom. XXXVI, Fasc. 10. Улан-Батор, 2017. С. 139-168. (на монг. яз.).
2. *Бейсенов А.З.* Коргантасские погребения конца I тыс. до н. э. Центрального Казахстана и проблема изучения головных внутримогильных

жертвенников // 100 лет гуннской археологии. Номадизм прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен / Отв. ред. С.В. Данилов. Улан-Удэ: Олеон, 1996. Ч. I. С. 89-94.

3. *Бернар П., Абдуллаев К.* Номады на границе Бактрии (к вопросу об этнической и культурной идентификации) // Российская археология. 1997. № 1. С. 68-86.

4. *Боковенко Н.А., Заднепровский Ю.А.* Ранние кочевники Восточного Казахстана // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. – С. 140-149.

5. *Заднепровский Ю.А.* Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н. э. – V в. н. э. // Страны и народы Востока. Т. X. М.: Наука, 1971. С. 27-36.

6. *Заднепровский Ю.А.* Путь миграции юечжей по новым археологическим данным // Заднепровский Ю.А. Древние номады Центральной Азии. СПб: ИИМК РАН, 2007. С. 74-79.

7. *Иванов С.С.* Военно-политические взаимоотношения саков Семиречья и Тянь-Шаня с Греко-Бактрией // Билим жана тарбия. 2012. № 1 (13). С. 35-38.

8. *Иванов С.С.* Кампания селевкидского полководца Демодама против саков Семиречья и Тянь-Шаня // Вестник Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева. Спец. выпуск. Ч. 2. 2013. С. 71-74.

9. *Иванов С.С.* Военно-политические взаимоотношения Александра Македонского и саков семиреченско-тяньшанского региона // Кыргызский и Караханидский каганаты: неизгладимые следы. Сб. мат. межд. науч. конф. / Отв. ред. Т.К. Чоротегин. Бишкек, 2014. С. 93-96.

10. *Иванов С.С.* Культура саков Притяньшанья: современное состояние и важнейшие проблемы исследования // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т. 7. М., 2019а. С. 11-23.

11. *Иванов С.С.* К выделению локальных вариантов сакской культуры Притяньшанья // SCYTHIA et SARMATIA / Отв. ред. А.А. Малышев. М., 2019б. С. 71-78.

12. *Китов Е.П., Тур С.С., Иванов С.С.* Палеоантропология сакских культур Притяньшанья (VIII – первая половина II в. до н.э.). Алматы: «Хикари», 2019. 300 с.

-
13. Ковалёв А.А. О связях населения Алтая и Ордоса в V-III веках до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 1999. С. 75-82.
14. Кушаев Г.А. Ранние погребения Алакульской впадины // Новое в археологии Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 135-145.
15. Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972. 270 с.
16. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н. э. М.: ИА РАН, 1997. 195 с.
17. Му Ц. Памятники пазырыкской культуры в Синьцзяне // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 2(30). С. 138-147.
18. Самашев З.С. Памятники кулажургинского типа // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС / Отв. ред К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 95-114.
19. Самашев З.С. Казахский Алтай в I тыс. до н.э. // Казахстан в сакскую эпоху / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 101-156.
20. Черников С.С. Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 г. // Известия АН Казахской ССР. Сер. археол. Алма-Ата: Изд-во АН Каз ССР. 1951. Вып. 3. № 108. С. 64-81.
21. Черников С.С. Работы Восточно-Казахстанской археологической экспедиций в 1956 году // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 73. 1959. С. 99-106.
22. Черников С.С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников (по археологическим материалам Восточного Казахстана) // Первобытная археология Сибири / Отв. ред. А.М. Мандельштам. Л., 1975. С. 132-137.
23. Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 204 с.
24. Шульга П.И. Синьцзян в VIII-III вв. до н.э. Погребальные комплексы. Хронология и периодизация. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010. 240 с.
25. Шульга П.И. О захоронениях коргантасского типа // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 405-418.
-

26. Шульга П.И., Мыглан В.С., Слюсаренко И.Ю. Хронология могильников позднего этапа пазырыкской культуры: дендрохронологическая шкала и археологический аспект // Алтай в кругу евразийских древностей / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 272–285.

27. Шульга П. И., Шульга Д. П. проникновение пазырыкской культуры в Синьцзян // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. № 4: Востоковедение. С. 24-29.

28. Ярыгин С.А., Ильдеряков Н.Н. Погребение «пазырыкского типа» на могильнике Таусамалы // Народы и религии Евразии. 2021. № 2 (27). С. 23-39.

29. Törbat Ts., Giscard P.H., Batsükh D. First Excavation of Pazyryk Kurgans in Mongolian Altai // Current Archaeological Research in Mongolia / Eds. by J. Bemmann, H. Parzinger, E. Pohl, D. Tseveendorzh. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms University, 2009. P. 221-230.

S.S. Ivanov

Ph.D. / Associate Professor at Kyrgyz National University

named after J. Balasagyn

547 Frunze Str., Bishkek, 720033, Kyrgyzstan

sak@yandex.ru

The ethnocultural situation on the north-eastern periphery of the Saka culture of Tien Shan region in the IV-III centuries BC

Аңдатпа. Мақала оның таралу аумағының солтүстік-шығыс шетіндегі Притяньшань сақ мәдениетінің этномәдени байланыстары мәселелеріне арналған. Біздің дәуірімізге дейінгі IV ғасырдың бірінші жартысында Пазырық саяси бірлестігінің оңтүстікке – Шығыс Қазақстанға, Солтүстік Шыңжаңға және Моңғол Алтай аймағына кеңеюі басталады. Бұл Ертістің орта ағысындағы тайпаларға әсерін және орманды дала Алтайдың туыстық Камен мәдениетімен байланысын жоғалтқан Притяньшань сақтарымен әскери қақтығысқа әкеледі. Пазырықтардың көші-қоны Шығыс Қазақстанның гибриді құла-жургин мәдениетінің қалыптасуына алып келеді, оның тасымалдаушылары Пазырық мәдени шеңберінің тайпалары сияқты Притяньшань сақтарының саяси бірлестігінің Солтүстік-шығыс аудандарына қарай жылжуда. Олармен әскери қақтығыс, оңтүстік-батыстағы эллиндік мемлекеттермен әскери қақтығыстар сияқты, бұл бірлестікті әлсіретеді. Нәтижесінде біздің эрамызға дейінгі 165 жылы юэчжидің қоныс аударуы нәтижесінде оның жеңілісі болды, бұл Притяньшань сақ тайпаларының едәуір бөлігін Орталық Азияның оңтүстік аймақтарына қысып тастауға әкеледі.

Annotation. The article is devoted to the issues of ethnocultural contacts of the Saka culture of Prityanshan in the north-eastern periphery of the territory of its distribution. In the first half of the IV century BC, the expansion of the Pazyryk political association began to the south – to Eastern Kazakhstan, northern Xinjiang and the Mongolian Altai. This leads to a military clash with the Saks of Prityanshan, who lose their influence on the tribes of the middle reaches of the Irtysh and their ties with the related Kamensk culture of the Forest-steppe Altai. The migration of the Pazyryk people leads to the formation of a hybrid Kulak-Zhurgin culture of Eastern Kazakhstan, the bearers of which are moving to the northeastern regions of the political association of the Saks of Prityanshan, as well as the tribes of the Pazyryk cultural circle themselves. Military confrontation with them, as well as military conflicts with the Hellenistic states in the southwest, weaken this association. The result is its defeat as a result of the Yuezhi migration around 165 BC, which leads to the expulsion of a significant part of the Saka tribes of the Xianshan into the southern regions of Central Asia.